УДК [004:316.3]:323.2 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–6–82–96

СИСТЕМНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕДПОСЫЛКИ РОСТА ПОПУЛИЗМА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Яжборовская И.С.[1]

Цель статьи – проанализировать современный процесс социальной и политической социализации общества постсоциалистических стран Европы, прошедших в начале XXI века стадию системной трансформации.

Предмет статьи – показ того, как в обществе с относительно низким уровнем политизации в периоды кризисов укореняется популизм и занимает все больше места благодаря мощному воздействию СМИ, изменяющему структуру ценностей индивида, уровень и характер его политической активности, определяющему его политическое поведение с соответствующими негативными последствиями в социально-политической сфере.

Методы исследования – политический анализ.

Результаты исследования могут быть использованы в качестве методологии и применяться к анализу социально-политических процессов современной России.

Ключевые слова: постсоциалистические страны Европы, системные трансформации, социально-политическая социализация, информационное общество, кризисы, правоконсервативный популизм, выборы, манипулирование.

Яжборовская Инесса Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела исследования социально – политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН, адрес: 1171513, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, e-mail: inessajaz@gmail.com.

SYSTEM TRANSFORMATIONS AND THE FORMATION OF INFORMATION SOCIETY AS A BACKGROUND OF GROWTH OF POPULISM IN POST-SOCIALIST COUNTRIES

YAZHBOROVSKAYA I.S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Socio-Political Relations Research, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: inessajaz@gmail.com.

The purpose of the article is to analyze the modern process of social and political socialization of the society of the post-socialist countries of Europe, which passed the stage of systemic transformation at the beginning of the 21st century.

The subject of the article is a demonstration of how populism takes root in a society with a relatively low level of politicization and takes more and more space due to the powerful influence of the media, changing the structure of an individual's values, the level and nature of their political activity, which determines their political behavior with corresponding negative consequences of socio-political sphere.

Research methods - political analysis.

The research results can be used as a methodology and will be applied to the analysis of the socio-political processes of modern Russia.

Keywords: post-socialist countries of Europe, systemic transformations, socio-political socialization, information society, crises, right-wing conservative populism, elections, manipulation

В рамках Четвертой волны всеобщей демократизации рубежа XX–XXI веков целью эволюционных перемен в постсоциалистических странах Европы в начальный период трансформации становилась постепенная, вначале в большей мере иллюзорная реализация широких социальных и демократических требований – от улучшения условий труда до укрепления гражданских прав, уменьшения репрессивности уголовного права, увеличения независимости судов, свободы объединений и слова, самоуправления и т. д.

После достижения на «круглых столах» общественного консенсуса политическое поле стран региона действительно прошло, с использованием политических парламентских выборов, этап развертывания демократических системных преобразований, приведших к становлению правового государства. Во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы были приняты новые, демократические Конституции, дополненные в период интеграции в Евросоюз имплементацией его законодательной базы – корпусом демократических норм и процедур, обеспечившие демократизацию партийно-политической и избирательной системы. В результате при помощи средств массовой информации все эти страны, как правило, вошли в европейское информационное сообщество и продвинулись по линии отхода от автократической модели социалистических стран. Вместе с тем преодоление ее устоявшейся практики оказалось очень непростым. Многоликий социальный популизм, становясь органической частью манипулирующего воздействия на население капитанов информационного общества, рождался в муках периодических кризисов. Выход из тоталитарно-авторитарного режима на практике оказался затяжным и в немалой степени обратимым.

Понятия «системная трансформация» и «популизм» – сложные, многомерные, которые можно считать родственными, исторически относящимися к коренному повороту переходной эпохи, с которой связан комплекс сопутствующих ему явлений в социальной психологии и политической социализации. В сфере общественного сознания их следует определить как явления социально-психологического сдвига, проявляющегося в форме социальной и – на определенной стадии общественного развития – политической демагогии с различными, как правило, неоднозначными переменами в информационном пространстве социально-политических отношений. К этому добавились последствия двух циклических мировых экономических кризисов и депрессии, приведших к замедлению темпов экономического роста и нарастанию негативных тенденций во всей социально-экономической жизни региона, где системная трансформация поделила общество на две части – выигравших и проигравших от глубоких, качественных перемен.

В первое десятилетие XXI века, по ходу обнаружения издержек системной трансформации и созревания вызовов времени, в бывших странах социализма стали резко меняться уже отнюдь не сводящиеся к передаче информации, но формирующие реальность коммуникативные отношения, приобретая черты правоконсервативного популизма. Это явление было вызвано носящим в

известной мере классовый характер раздражением трудящихся по поводу нереализуемого ожидания позитивных перемен, несоизмеримо увеличившимися масштабами накопившихся претензий к элитам и государству в связи с ущербной реализацией его патерналистской, перераспределительной функции. Традиционные формы общения быстро потеряли свое однообразие и существенно изменились с деформацией существенного, качественного наполнения всего комплекса коммуникаций Четвертой волны всемирной демократизации. Время вносило новые существенные изменения в матрицы СМИ, прессы и особенно телевидения, в направление и содержание их социально-политической нагрузки. Они подвергались постоянной актуализации, хотя далеко не всегда и не везде для нее находились рациональные, а не только конъюнктурные, чаще всего целенаправленно эксплуатируемые эмоциональные решения.

При всех различиях процессов начальной дезорганизации системы партии – государства с необходимостью формулировалась объективная задача расчистки базы этой системы, чтобы обеспечить возможности для решения новых правовых и политических задач, а также для оптимизации механизмов рыночной экономики. Формационная ломка при значительном различии объективно-исторических возможностей тех или иных стран не сразу позволила найти оптимальные пути для преобразований. Тем более, что системные трансформации исторического периода Четвертой волны всемирной демократизации носили, в отличие от предшествующих волн, всеобъемлющий характер и, естественно, вначале резко снижали уровень жизни в переживавших переходный период постсоциалистических странах, вызывая глубокий стресс в сфере занятости и новое, во многом катастрофическое расслоение общества.

В регионе стран с исторически низким уровнем политизации развернулся процесс глубокого социального кризиса, сочетавшегося с дальнейшим обострением внутриполитических противоречий, начался и углубился паралич партийно-политической деятельности. В этих странах после «бархатных революций», в отличие от массовых левоконсервативных популистских выступлений в Южной Европе (Греции, Испании), появились симптомы популистских правоконсервативных «бархатных контрреволюций». Происходит пересмотр традиционных форм организации информационного пространства с включением в него новых акторов, выдвигающих и отстаивающих собственную информационную повестку в процессе перехода власти от политиков традиционного партийного типа к новому классу медиаполитиков — системно-коммуникационных менеджеров, блогеров,

создателей интернет-контента в соцсетях, визуальных образов, троллинга, «мемов», «жаб» и тому подобных, значительно более эффективных инструментов эмоциональной мобилизации электората.

В мировой историографии распространено представление, что для популизма во всех постсоциалистических странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, в отличие от стран Западной Европы, характерен специфический национальный вариант популизма, поскольку исторически через их территории прокатилось особенно много локальных войн, отложившихся в национальной памяти и создавших самую благодатную почву для антагонизирующего межнациональные отношения популизма. Как считает В. Тисманеану, системные перемены 1989 года «способствовали воскрешению романтических, популистских и антидемократических сил в регионе», что конфликт между вестернизированными либералами и местными ксенофобскими правыми «является главным полем борьбы за будущее всего региона»[1]. Отмечая эту специфику постсоциалистического региона, Ж.М. де Вэль утверждает: «…националистические партии выступают защитниками нации, утверждая, что им угрожает внутренний (национальные меньшинства, элиты и т.п.) или внешний, извечный враг…»[2]. Культурная почва региона явно размораживает и подпитывает это наследие, включая период «реального социализма». Г.Г. Бетц отмечает, что это создает основу для популистского менталитета и появления ресентиментов распространенных в этой системе комплексов, возникших в результате исторических событии и трудного, временами драматического опыта данного сообщества[3].

Правоконсервативная, националистическая оппозиция повсюду развернула активную борьбу за голоса слабо политизированных, но эмоционально сильно реагирующих на смену конъюнктуры в направлении выявления и максимального использования национальных, социальных, моральных и конфессионально-мировоззренческих требований избирателей[4].

Что же касается политической сферы, то она стала ареной шельмования партийно-политических сил, как сугубо коррупционной составляющей

---

[1] Tismaneanu V.Wizje zbawienia. – IFIS PAN. – Warszawa. – 2000. – P.13, 16.

[2] Waele de J.-M. Czy Europę Środkowo-Wschodnią czeka fala populizma // Populizm w Europie: Deficyt czy przejaw demokracji? – Red. M. de Waele, A. Pacześniak. - Oficyna Naukowa.Warszawa.2010. – P.101.

[3] Betz H.G. Warunki sukcesu (klęski) populistycznych partii radykalnej prawicy we współczesnych systemach demokratycznych //Demokracja w obliczu populizmu. - Red. J. Szacki. - Oficyna Naukowa. Warszawa. – 2007. – P.4– 49.

[4] Markowski R. Populizm i demokracja; ujęcia, dylematy i kontrowersje // Populizm a demokracja. – Red. R.Markowski. – ISP RAN. – Warszawa. – 2004. – P.24.

политического поля и вытеснения либерально-демократической элиты. «Народ-суверен» был объявлен популистами правомочным носителем принципа «народ выше права». Институты правового государства в течение двух лет подвергались искусственной партиизации – подчинению со стороны незначительного правоконсервативного националистического большинства – и практическому разрушению. Исполнительной власти были искусственно подчинены остальные деформированные ветви власти. Некоторые зарубежные авторы отмечают в этом процессе значительную роль советского бюрократического наследия различных застойных пластов общественного сознания, порождающихся и поддерживающихся антилиберальным популизмом современного информационного общества – комплексом представлений коррумпированной, бездуховной служилой элиты, атомизированного, пораженного нигилизмом общества.

За истекшие годы системных трансформаций в общественных отношениях постсоциалистических стран появились и развились разнообразные явления популизма, свойственные новому историческому периоду, в идентификации которого не заложен циклический процесс прогрессивного развития и преодоления кризисных периодов. Их пропорции в разных странах различны. В той или иной мере еще сохраняющаяся демократическая консолидация продолжает оставаться непоследовательной, либерально мыслящие элиты соседствуют с популистскими и нередко в избирательных циклах сменяют друг друга у власти. А это поддерживает состояние нестабильности общественной жизни, способствует вытеснению делиберативной демократии и консенсуса разными формами популизма в среде элит и в разновидностях гражданского общества.

На определенной стадии манипулирования общественным сознанием при помощи средств массовой информации и широком использовании методов социальной и политической демагогии возникает симбиоз антиэлитарного и антигосударственного популизма, происходит замыливание реалистического восприятия жизни. Складывается популистская утопическая картина мира. Новый, якобы многообещающе справедливый, идеальный порядок рядовой читатель средств массовой информации начинает искать на страницах непритязательных, желтых популярных изданий и в телесериалах, в скандальной критике утрированных негативов вчерашнего и сегодняшнего дня, прошлого избирательного цикла и политики правивших партий и коалиций, якобы решавших только свои меркантильные задачи.

В поддержании флюктуации общественного сознания важную роль стало

играть такое состояние информационного общества, при котором прежняя информационная среда, как правило, распадается, а рациональные, более ответственные, научно обоснованные социально-политические концепции размываются. Отношение к политике у популистов двойственное уже потому, что в постсоциалистической части Европы, в отличие от проходившей через волны политической демократизации Европы Западной, они имеют дело с процессами и политической, и хозяйственно либерализации, с подключением культурной и других областей общественной жизни, но перенося центр тяжести на экономику и социальную сферу в информационное пространство, они демонстративно аполитичны, клеймят мир политики как сферу «грязной работы», нечистых игр и интересов. При этом они подчеркнуто не стремятся к участию в работе политических институтов, в том числе государства.

Их стихия – это народ и (или) единое сообщество народа-нации, в различных слоях которого, в общественных движениях имеет место деформация сознания и лишь постепенно, с трудом происходит новая поляризация политических воззрений и программ. Это может быть и деление, но на массы и элиту, с различной культурной ориентацией частей единого народа, с общей, единой идентичностью и великой мудростью лидера – носителя высших ценностей и правоты, а также первичного источника власти. При этом идеологема популизма утверждает, что прежняя продажная элита, предавшая народ, не может быть лидером нации, им может быть только подлинный вождь–автократ с безграничным авторитетом, единственный, способный осуществлять тщательную проверку и жесткий контроль за работой институтов власти и управления. Другими словами, признается только жесткая пирамида власти и строгая ротация в процессе обновления преданного ему кадрового состава органов государственного управления. Это и происходит сейчас в разном объеме в Венгрии, Польше, Болгарии и других странах региона Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом с конца XX века постоянно проходит прогрессирующая замена устоявшихся сетевых институциональных связей и представительной демократии методом непосредственных контактов с национальным лидером в рамках прямой демократии.

В процессе борьбы за упрощенно понимаемую «власть народа» выделяются популистские, антисистемные течения, объединяющие «простых, честных людей», носителей социал–популизма, против которых в условиях кризиса якобы действует вся отвергаемая СМИ партийно-политическая, демократическая система. Они ищут ответы в простейших пропагандистских клише, широко тиражируемых любыми доступными средствами массовой

информации и методами подкрепляемой ими не представительной, но прямой демократии.

Равным образом активизируются антисистемные правопопулистские политические авторитарно-националистические образования, создавая эклектическую платформу для популистов в увязке социально-экономической и политической сферы. При этом они ориентируются как на привычную веру в традиционный государственный патернализм, опеку и уравниловку, так и на вековые представления о прочности национальных традиций, на былую, инерционную национальную сплоченность, на возврат к якобы спасительным единым религиозным ценностям. Как правило, именно они составляют консервативное большинство «народа-суверена».

Следует отметить, что любые идеологии в условиях социально-политических кризисов в популизме просматриваются слабо. При затуманенности осмысления ситуации в средствах массовой информации популизма, при всеобщей потерянности и преобладании антисистемных установок, тоски по прошлому и страха перед будущим абсолютно господствуют упрощенные, примитизированные моральные оценки.

Идущий на выборы новый лидер-популист, как правило, настраивает на однозначные ответы, начиная с эскалации конфликтов, агрессии в адрес существовавшего режима, конфронтации с конкурентами на телеэкране, отрицания наличия у них политической культуры, с дискредитации фигурантов политического поля, с разоблачения их квалификации как специалистов и как коррупционеров-махинаторов. Он систематически выступает в качестве харизматического вождя, всенародного защитника. При свойственном странам региона запоздалом строительстве правового государства и трудностях с укоренением правового сознания, как правило, эксплуатируется идеологема «народа-суверена», мораль которого, воплощаемая в персоне вождя, выше права. Этот вождь способен соединить в эклектическом единстве любые установки – реакционные, консервативные и прогрессивные, чтобы навязывать обществу демонстрацию своих достоинств, демонстрировать свою легитимность в глазах «суверенного народа», Его стиль – мобилизация избирателя без политики и разнообразия политических программ, поскольку в информационном государстве достаточно ловкого эмоционального манипулирования недовольными массами и возникающими на этой основе движениями сверху при помощи организации и всестороннего использования многообразных средств массовой информации.

Такие движения в высшей степени неоднородны, но вполне доступны для

коммуникации при помощи самых различных СМИ, реальны и эффективны для достижения избирательных целей. Достаточно составить минимальный набор популярных требований или соединить в единое русло несколько близких тем, чтобы при помощи популярного издания и Интернета обеспечить эмоциональное восприятие массами любого мероприятия.

Популистское мышление весьма дробно и крайне упрощено, а упоминание какой-либо цели, как правило, не содержит никакой ясной программы ее достижения, что облегчает его внедрение в максимально широкое массовое сознание, готовое ориентироваться на любые обещания успехов и одновременно боящееся экономических, социальных и культурных перемен. Подчеркнем: особенно тяжело переносятся потеря былых ориентиров и необходимость искать новый выход и новые авторитеты. Отсюда повышенный интерес к решениям, предлагаемым средствами массовой информации. Любого представителя массовой популистской аудитории страшат процессы урбанизации, модернизации и глобализации, которые стирают стабильность прежней социальной идентичности и подрывают доверие к государству, веру в то, что прежние элиты и политическая система смогут навести порядок в новых условиях.

Возникающий кризис национальной идентичности порождает национальный популизм протеста, который используется лидером-ксенофобом популистского толка для воспроизведения единства народа-нации, при этом прежняя элита становится объектом критики, как носитель идеи национальной измены. Популизм эксплуатирует и кризис национальной идентичности, противопоставляя новым мифологемам мудрость наследия всего народа.

В Польше, стране, которая, в отличие от соседей, избежала в годы двух кризисов рецессии и сохранила рост ВВП на уровне более трех процентов, массированная пропаганда правонационалистических сил, вышедших на политическую арену под звонким наименованием партии «Право и справедливость» (ПиС) и под руководством пары юристов – близнецов Леха и Ярослава Качиньских, велась под флагом пересмотра мифического курса «Польши в руинах». Эта партия сумела внушить населению, утрируя неизбежные трудности и разоблачая «злоупотребления», что виновато в этом прежнее партийное руководство страны. Эти силы пришли в 2015 году к власти, отодвинув правоцентристскую партию «Гражданская платформа», под громогласным обещанием без покрытия «Будет лучше!».

Аналогичным образом в Венгрии левые и либерально-демократические силы были вытеснены с политического поля партией «Фидеш» Виктора

Орбана, в Болгарии – партией Бойко Борисова, а также и других популистских лидеров стран региона, так же целенаправленно и искусственно подогревающих антагонизацию общества и спекулирующих на обещаниях социальных благ и быстрого достижения светлого будущего.

Популистский курс, спекулирующий на слабой политизации широких масс, эклектичен с точки зрения провозглашаемой средствами массовой информации системы ценностей, приемлемой для самых различных социальных групп и политических течений, при смазывании социально-классовых различий и стремлении засыпать пропасть между широко понимаемыми категориями богатых и бедных. На базе общей дезориентации и искусственного нагнетания недовольства широких масс политикой коалиции проигравших выборы политических сил формулируется перечень разнородных обещаний – социальных подачек различным слоям общества, не обязательно самым нуждающимся социальным низам: ранний выход на пенсию, бесплатные лекарства старикам, ежемесячные пособия на каждого ребенка до совершеннолетия и т.п. Лидеры этого курса входят в роль глашатаев интересов всех групп и слоев общества, обещают каждому гражданину миллионы на выкуп приватизированных предприятий, дабы ни одна из социальных групп не платила за реформы слишком высокой социальной цены, и т.п.

Эта, как правило, первая фаза включения населения в смещение центра тяжести социальных, а затем и поверхностных политических настроений в сторону поддержки политических притязаний право-авторитарных сил, в ходе которого при помощи средств массовой информации происходит упорное закладывание основ различных форм популизма, затягивается, а затем наступает этап монтирования демагогических конструкций в сфере политики, ведущий к форсированной победе на следующих выборах.

Наиболее массовым оказывается правый популизм, который широко распространяется в обществе, в том числе среди представителей среднего класса, признает справедливость социального неравенства и отказывается от принципа социальной солидарности. Он не только не требует возврата к принципам демократии, но и отрицает укоренившиеся в Европейском союзе важные аспекты либеральной демократии, в том числе борьбу за права человека, права меньшинств, иммигрантов и беженцев. Главное внутреннее противоречие правой разновидности популизма – соединение исходящей от «воли народа» власти и лозунга «народа-суверена» с отрицанием либерально-демократических основ и правовых, конституционных постулатов общественной жизни.

Лежащие в основе предвыборной борьбы декларации поиска выхода страны из состояния посттрансформационного развала, как правило, полны широковещательных обещаний, за которыми практически нет реалистичного экономического анализа, зато активно тиражируется образ, формируется харизма лидера – востребованного ситуацией кризиса «спасителя», «отца нации», каким на рубеже 80-х и 90-х годов в Польше стал Лех Валенса, в Венгрии – Виктор Урбан, в Сербии – Слободан Милошевич, в Болгарии – Бойко Борисов и т.д. Они, как правило, истово и весьма результативно ссылаются на национальные символы. Причиной этого в первую очередь является специфическое свойство стран с авторитарно-тоталитарными режимами, где власть монополизировала при помощи СМИ общественную коммуникацию с народом и особенно самоочевидную национальную, языковую общность. Для всех стран этого региона было типично обращение во время «бархатных революций» к национальной проблематике национальный популизм». Способ национального взаимопонимания при помощи средств массовой информации имеет огромное значение для воздействия на массы, особенно как основа коллективной деятельности, в том числе солидарной обороны. Это ощущение элементарной, спонтанной солидарности ярко проявилось в Будапеште в 1956 году, в Праге в 1968 году и в Варшаве в эти же годы и месяцы. Демократическая политика, как правило, получала оптимальную поддержку общества, если она была связана с защитой национальной идентичности.

Проблема функций национальной идентичности имеет двоякий аспект, поскольку это самая естественная категория, наиболее доступная массам и сплачивающая их, в отличие от классовой дифференциации. Тоталитарно-авторитарные системы повсюду использовали национализм в своих программах, делая его своим главным оружием при решении повседневных задач.

В условиях циклических кризисов вездесущий популизм всячески использует преднамеренное обострение национальных отношений в интересах правящего слоя при помощи широких возможностей современного информационного общества. Для этого политике солидарности противопоставляется политика национальной ненависти, как наиболее простой и реалистичный способ представления в негативном свете других субъектов политической арены. При этом политика оказывается в чудовищной повседневной зависимости от средств коммуникации. Если прежде связь с населением осуществлялась через практически политическую работу, встречи с избирателями, политическое просвещение и т.п., то в современном информационном обществе абсолютно

доминируют пресса, аудиовизуальные средства и оглашаемые в них рейтинги, оказывающие огромное воздействие и на политиков, и на рядовых зрителей и слушателей.

При этом после лет достаточно успешных поисков консенсуса циклические кризисы перенесли общественные отношения в плоскость обострения антагонизмов и повышения градуса конфронтационности, вплоть до открытого проявления ненависти. Враждебность, родившаяся в ходе проведения реформ и обнажения противоречий, заставила отойти от либеральной политики консенсуса и стимулировала проявления агрессивного популизма, в том числе популистского национализма. Эксцессы такого типа стали повседневными, а процессы формирования гражданского общества явно затормозились. В Болгарии, например, легче сменить правительство, чем пресечь эту тенденцию в развитии общественных отношений[1].

Считается, что популизм сыграл в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы позитивную роль в начальный период процесса системных трансформаций, когда в первые годы существования «Солидарности» она была общенациональной либеральной ценностью и объединила нацию в надежде на повышение уровня жизни. Однако в начале XXI века возобладало популистское отторжение социально-политического начала. Победило антилиберально-антидемократическое настроение, отвергающее любую организацию, как с неизбежностью коррумпированную, и любую реформу, как враждебную интересам народа, крадущую у него плоды революции и продающую национальное имущество иностранному капиталу. В процесс утверждения популистской парадигмы при помощи средств массовой информации были втянуты механизмы и процедуры в сфере политики и экономики, в системах правопорядка, образования, культуры, искусства и науки, историческая политика, бизнес, самоуправление и неправительственные организации. Таким образом, в ходе двух кризисов первых двух десятилетий XXI века в регионе дважды предпринимались попытки решать текущие проблемы общественного развития популистскими методами. Оформлялась политика, апеллирующая к широким массам и обещающая им скорое и лёгкое разрешение острых проблем. При этом сходные процессы на разных этапах исторического развития проходили через приливы и отливы популизма различной пробы. В сложившемся в последние десятилетия информационном обществе стран региона оба эти направления существуют в общественном сознании и повседневной жизни параллельно, опираясь на различные слои общества и

[1] Krystew I.Mamy prawo głosu, wyboru nie mamy// Gazeta Wyborcza/ 27-28.IX. 2007. – S. 23.

подпитывая их при помощи средств массовой информации своими идеями, временами взаимодействуя или противоборствуя.

Что касается политического популизма, стратегическим ключом преобразований были вынесенный из вузовской программы научного коммунизма принцип «кадры решают все» и повальное «перетряхивание» кадрового состава политической и всех других управленческих систем. Устранялась прежняя элита, и устанавливался полный контроль над страной выходцев из «гнезда Качиньских» и команды «Фидеш» Виктора Орбана с учетом не столько компетенции, сколько личной преданности, лояльности. Оказалось, что важнейшим средством для решения главной задачи закрепления у власти вождистских популистских партий, базирующихся на личной харизме лидеров типа Я. Качиньского, В. Орбана и других правоконсервативных лидеров-популистов, является интенсивное использование для манипулирования населением возможностей современной информатизации и широкого медиавоздействия на массовое сознание, в том числе применения мифологемы «осажденной крепости» и эффективной тактики конфликта.

В то время как современные активные коммуникации являются главным каналом осмысления человеком социальной реальности, основным ретранслятором государственной идеологии, одним из инструментов легитимации деятельности политических институтов, преобладающая в регионе постсоциалистичских стран пассивная аудитория более всего воспринимает информацию, транслируемую официальными каналами телевидения и радио. Это полностью детерминирует ее поведение. СМИ этого профиля являются основным инструментом политического контроля, препятствующим становлению политического самосознания в новых условиях, его радикальным изменениям и способствующим сохранению статус-кво. Стандартизация повестки дня этих СМИ лишает население возможности получения развернутой информации, анализа оценок на базе более высокого уровня информированности. Упрощение и выхолащивание содержания сложного и многогранного процесса социальной и политической социализации препятствуют формированию политического самосознания индивида, в том числе снижают уровень политической активности молодежи, порождают ее недоверие к основным политическим институтам, особенности ее поведения, в частности соотношение массовой и межличностной коммуникаций, когнитивной и поведенческой сфер сознания. Горизонты демократического развития оказываются перекрытыми.

Библиография/References:

1. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб.: Изд-во С. – Петербургского университета, 2004. – 288 с.

2. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

3. Козина Е.С. СМИ и выборы. Ресурс и угроза политического мифотворчества. – М.: ВК, 2005. – 59 с.

4. Леонов К.Л. Эволюция концепции политической социализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2007. – № 3 – 4. – С. 159–171.

5. Популизм как общий вызов / отв. ред. К. Кроуфорд, Б. И. Макаренко, Н. В. Петров – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 127 с.

6. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // ПОЛИС. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 3–18.

7. Betz H.G. Warunki sukcesu (klęski) populistycznych partii radykalnej prawicy we wspołczesnych systemach demokratycznych // Demokracja w obliczu populizmu. Oficyna Naukowa. Warszawa. 2007. – P.4 – 49.

8. Krystew I. Mamy prawo glosu, wyboru nie mamy // Gazeta Wyborcza. – 27-28.IX. 2007. – S. 23.

9. Markowski R. Populizm i demokracja: ujęcia, dylematy i kontrowersje // Populizm a demokracja. ISP RAN. Warszawa. 2004. –. P.24.

10. Tismaneanu V. Wizje zbawienia. IFIS PAN. Warszawa, 2000. – P.13, 16.

11. Waele de J.-M. Czy Europę Środkowo-Wschodnią czeka fala populizma//Populizm w Europie: Deficyt czy przejaw demokracji? Red. M. de Waele, A. Pacześniak. Oficyna Naukowa.Warszawa. 2010. – P.101.

1. Golovin, N.A. (2004) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija politicheskoj socializacii [Theoretical and methodological foundations of the study of political socialization]. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta. – 288 p. (In Russ.)

2. Grachev, M.N. (2004) Politicheskaja kommunikacija: teoreticheskie koncepcii, modeli, vektory razvitija [Political communication: theoretical concepts, models, development vectors]. – M.: Prometej. – 328 p. (In Russ.)

3. Kozina, E.C. (2005) SMI i vybory. Resurs i ugroza politicheskogo mifotvorchestva [Media and elections. Resource and the threat of political myth-making]. – M.: VK. – 59 p. (In Russ.)

4. Leonov, K.L. (2007) Jevoljucija koncepcii politicheskoj socializacii [Evolution of the concept of political socialization] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences]. – № 3 – 4. – P.159–171. (In Russ.)

5. Populizm kak obshhij vyzov [Populism as a general challenge] (2018) / otv. red. K. Krouford, B.I. Makarenko, N.V. Petrov – M.: Politicheskaja jenciklopedija. – 127 p. (In Russ.)

6. Solov'ev, A.I. (2002) Politicheskaja kommunikacija: k probleme teoreticheskoj identifikacii [Political communication: to the problem of theoretical identification] // POLIS. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies]. – № 3. – P. 3–18. (In Russ.)